

Глава 1

Лондон, 1809 год

Внутренний голос.

Человек, который не прислушивается к собственному внутреннему голосу, сам роет себе могилу. Кинан Милрой взглянул на небо. Вдохнул полной грудью, отмечая про себя направление ветра, который щекотал его левую щеку. Поискал взглядом, остановился на виднеющемся вдалеке боксерском ринге.

Кинан учитывал погодные условия, выбирая тактику боя и наиболее подходящее положение для удара. Его намерения выдавал только блеск умных холодных глаз. Толпа болельщиков расступилась, когда Кинан уверенно зашагал к наспех сколоченной площадке. Сегодня ему придется драться на деревянных подмостках. Двойные канаты. Стойки. Никто не потрудился их даже обтесать. В голове у Кинана сложились кусочки мозаики: небо ясное, значит, доски не будут скользить, как бывает во время дождя. Он взглянул на четыре необтесанные стойки — из-за них бой может быть еще опаснее.

— Безрассудный Милрой!

Кинан почти не обращал внимания на дружеские похлопывания по спине. Вряд ли кто-нибудь из тех, кто пришел посмотреть на бой, искренне желал ему победы. Люди собрались лишь для того, чтобы поглазеть, как двое изобьют друг друга до полусмерти. Зрители хотели, чтобы выиграл именно тот, на кого они поставили. Кинан был настроен на победу.

Он кивнул своему секунданту, сорвал шляпу и высоко подбросил ее над головой. Когда шляпа приземлилась на середине ринга, раздался ликующий возглас. Таким образом боксер

давал понять противнику и зрителям, что готов к бою. Кинан предпочитал считать такой жест вызовом, а не многолетней данью традициям. В свои двадцать восемь он был настоящим профессионалом, потому что с ранних лет занимался боксом.

Тучный Сэм Ольссон по прозвищу Голландец раздвинул канаты, протиснулся между ними, спрыгнул с высокого ринга и поспешил к Кинану. Голландец раньше и сам был неплохим боксером, но три года назад во время боя сломал правую руку.

— Ты в отличной форме, — произнес он, приветствуя Кинана одобрительным кивком, — и так любишь денежки, что тебе плевать на самого короля.

— Вивер уже здесь? — поинтересовался Кинан, имея в виду своего соперника, которого намерен был сегодня отправить в нокаут.

Если половина от входной платы — не слишком лакомый кусок, то ставка в триста фунтов стерлингов — весомый аргумент, стоящий и сбитых рук, и сломанного носа.

— Еще нет, но обязательно появится. Слишком большие деньги на кону. Ему не устоять.

— Такие денежки соблазнительнее любой красотки, — согласился Кинан. Он кивнул в сторону ландо. Там он собирался раздеться до пояса и ждать, когда его вызовут. — Ты знаешь, где меня найти.

— На коленях, с воздетыми в молитве руками? — засмеялся Голландец и услышал проклятья Кинана. — И за меня помолись, — крикнул он приятелю в спину.

— Я сотру колени в кровь, пока такого осла, как ты, пустят в рай.

Голландец фыркнул и отмахнулся.

Кинан оглянулся, но его приятель уже растворился в толпе. Ох уж этот Голландец! Наверняка побежал поднимать ставки, после того как разозлил боксера.

Кинан покачал головой и поспешил к ландо. «Помолись». Похоже, Голландец сказал глупость, чтобы вывести его из себя. Он же отлично знал, что Кинан давным-давно во всем разуверился, и это прозрение оказалось очень болезненным. Дешевый

джин и житейская грязь пошатнули некогда жившую в нем веру, а страх, побои и голод развеяли ее без остатка. Кинан верил только в себя. В собственную ловкость и силу, заключенную в его крепком теле. Остальное — пустая болтовня.

У дверцы ландо Кинан замешкался. Обернулся, обвел взглядом растущую толпу. Бойцовские поединки были запрещены законом, поэтому всегда существовала опасность, что их усилия пойдут прахом из-за неожиданных «гостей» из городского магистрата. Продолжая разглядывать собравшихся, Кинан стянул с шеи шелковый платок.

Каждый боец носил платок определенного цвета. Платок Кинана был черно-красным. Боксер лениво намотал его на левую руку, потом размотал. Через пару часов вместе с победой он получит платок Вивера.

Еще никому не удавалось завоевать шейный платок Кинана Милроя. Он дрался отчаянно, чтобы не уступить того, что ему принадлежало. Времена, когда он был более уязвим, сделали его одержимым. Это, в свою очередь, обострило его чутье, которое никогда не подводило Кинана и теперь о чем-то предостерегало. Сегодня ему предстоит встретиться с бойцом, который прошел огонь, воду и медные трубы.

* * *

— Вы, Бидгрейны, притягиваете несчастья, — пробормотала Эмара Клег, в третий раз завязывая ленты на шляпке. — Мне следует всерьез задуматься о том, в своем ли я уме, раз согласилась участвовать в этой аванюре.

В ответ Уинни лишь улыбнулась. За два года знакомства с мисс Клег она хорошо изучила приятельницу. Эмара считала себя отчаянной трусихой. Уинни же полагала, что любой, у кого была такая суровая мать, как леди Клег, шараялся бы от собственной тени.

Два года назад Эмара доказала, что на самом деле она гораздо сильнее, чем думала. Это произошло, когда она помогла младшей сестре Уинни, Девоне, воплотить в жизнь необычайно дерзкий план и спасти старшего брата Эмары, Дорана, от тюрьмы. При этом боязливая и впечатлительная юная леди

предпочитала относиться к затеям Уинни как к очередной попытке Бидргейнов напугать беззащитную малышку Клег.

Уинни думала иначе. Разве трусиха смогла бы, облачившись в дурацкий костюм, выдавать себя в обществе за Девону? Разве смогла бы она перечить старшему брату Уинни, Броку, и разгневанному лорду Типтону, с которым тогда была помолвлена Девона, когда те стали угрожать, что опозорят ее, если она не признается, где их сестра и невеста?

Уинни повертела на плече зонтик от солнца. Нет, Эмара не трусиха. Но сама Эмара не признавала этого даже после пережитых приключений. Хотя и никогда не отказывалась помочь. Она ни разу не подвела тех, кого ее мать называла «эти ужасные Бидгрейны», — когда-то Эмара просто исполнила обещание, данное старшему брату, а потом ее знакомство с этим семейством переросло в крепкую дружбу.

— Клянусь, я терпеть не могу твою самонадеянность!

Язвительный тон подруги вернул Уинни в настоящее и напомнил о предстоящей аванюре. Она совершенно не обиделась на замечание; откровенно говоря, оно даже придало ей решимости.

— Почему, мисс Клег? Я, например, ею горжусь! — весело ответила девушка.

Эмаре осталось лишь прикусить язык. Уинни, не в силах скрыть хорошее настроение, наклонилась ближе к ней, продолжая ерничать.

— Говорят (и я несколько не сомневаюсь, что даже твоя любимая мамочка с этим согласилась бы), что, когда ангелы раздавали красоту, нам, Бидгрейнам, досталось благородство черт. Сразу видна порода. Даже зубы у нас крепкие и ровные. — И в подтверждение своих слов она улыбнулась во весь рот.

Эмара подавила предательский смешок.

— Моя мама никогда бы не согласилась с подобным утверждением, мисс Бидгрейн, — вздохнула она и расправила плечи. — Если к созданию Бидгрейнов и приложили руку какие-то потусторонние силы, то это явно был дьявол со своими подручными, — добавила Эмара, подражая визгливому голосу леди Клег.

Уинни отвела взгляд и посмотрела на воды видневшегося вдалеке, позади толпы, канала.

— Стоит ли удивляться, что ты такая ворчунья? Если бы мне довелось изо дня в день наблюдать, как эта женщина исходит ядом, я бы из собственной комнаты даже носа не высунула.

Эмара виновато коснулась руки подруги.

— Ты обиделась, да? — В бездонных голубых глазах блеснула слезинка. — Ты права, я ворчунья и грубиянка. Я настолько очерствела, что уже не замечаю в ее словах ничего особенного. Я не заслуживаю твоей дружбы.

Уинни вздохнула. Они стояли одна другой, ничего не скажешь: устроили перепалку, твякают друг на друга, как комнатные собачки, в то время как им нужно думать о спасении девочки, которую они пришли защитить.

— Эмара, возможно, ты ворчунья и грубиянка и раздражаешь меня больше, чем мои сестры. Но я выполняю свои обещания. Более того, я уже привыкла, что ты бываешь не в духе.

Лицо Эмары разгладилось. Она прищурилась, ухватившись за единственное слово, о котором Уинни тут же пришлось пожалеть.

— Обещания? Кому и что ты обещала?

— Я пообещала самой себе, — не моргнув глазом солгала Уинни, не зная, чьего гнева ей бояться больше — Брока или Эмары. — Обещание, которое и привело нас сюда.

— Ой, Уинни, только не говори мне, что мы здесь ради Союза милосердных сестер!

— Нет, конечно, мы здесь не ради него. Мы приехали ради тех, кто в нас нуждается. — Уинни предпочла не обращать внимания на тяжелый вздох подруги, которая забыла о том, что настоящей леди не подобает вздыхать.

Союз милосердных сестер был детищем Уинни. В его основу легла хитрая, но напрасная попытка помочь подруге детства. За годы существования Союза у него появились и другие цели. Благодаря скромным пожертвованиям его члены представляли кров и пищу несчастным заблудшим душам, пытаясь помочь тем, кого еще можно было спасти.